

**О методике изучения крупных романых форм XX века
(Ю. Домбровский
«Факультет ненужных вещей»)**

Каждый день на человека с телеэкранов и страниц СМИ обрушивается лавина самой разнообразной информации.

Особенную тревогу вызывает то обстоятельство, что в настоящее время молодёжь не читает, более того, вырабатывается какая-то необъяснимая концепция, что книги читать не модно и вредно, не современно. В данном плане потрясает «никакое» отношение к назревшей и перезревшей необходимости реформ в области изучения художественной литературы. «Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно даёт в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, бездуховный, начинает злоупотреблять» [5: 38].

Пользоваться техническими достижениями неосмысленно, без опоры на систему координат – значит просто остаться беспомощным, принять похоть, фальсификацию, подделку за настоящую, подлинную литературу, а расстояние от природных талантов все увеличивается и в конце концов окажется слишком далеким. К сожалению, в настоящее время формируется привычка пользоваться материалами об отдельных произведениях, не задумываясь о полном его содержании. Как же будущим специалистам обрести культуру чтения?

Каждое занятие по литературе – «смотр» духовных сил на определённом пространстве, это голос автора, призывающий к избавлению от недуга нечитающего, призывающего не быть равнодушным к судьбе великой русской литературы.

Именно школа и вуз имеют возможности без назиданий знакомить ученика с целостной структурой изучаемого произведения и со спецификой описываемого им периода, убедительно вводя в сознание читающего высокий строй авторской мысли, устремлённость писателя к идеалу, глубокое проникновение в реалии времени. Приходится решать великое множество вопросов. Так, например, при изучении романа «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского необходимо постичь особенности его внутреннего механизма. Написание романа было начато автором в 1964 году, завершено в 1975 г. Его первая публикация на русском языке осуществлена во Франции в 1978 г. Действие романа происходит в 30-ые годы. Герой романа Георгий Николаевич Зыбин, сотрудник алма-атинского историко-краеведческого музея, отстаивает истину хранителя древностей – человеческой памяти и доказывает, что стремление твёрдо стоять на такой позиции требует большого мужества. Герой Домбровского даже находит силы издеваться над следователями. Подследственный

отказывается от диалога со следствием, но ведет с ними сложную игру и в конце концов одерживает победу. Археолог Корнилов, которого Зыбин считает своим другом, выбирает иной путь. Он, не выдерживая шантажа, становится осведомителем, повторив судьбу Иуды Искарота.

Заключительная сцена романа – картина, которую рисует ссыльный художник Калмыков, на ней изображены Зыбин, Нейман и Корнилов: «Так на веки вечные на квадратном кусочке картона и остались эти трое: выгнанный следователь, пьяный осведомитель по кличке Овод и третий Зыбин – жертва, без которого эта символическая тройка состояться не может». Главный герой попадает в тюрьму и переживает предательство, которое на время выбивает его из нормального состояния. Но удары судьбы не только делают его более сильным в глазах врагов, а и помогают быстрее достичь своей цели.

Как развивать способность обучаемого к восприятию такого повествования? К самообретению знаний? Будут проблемы с осмыслением ареста Зыбина. Здесь требуется медленное, вдумчивое, «тонкое» чтение описаний тяжелых моментов. К тому же, желательно попытаться осмыслить их в контексте современности. Постоянно требуется глоток свежего воздуха, чтобы быть читателем и стать «участником» процесса.

Студент бросается в Интернет, но нужны новые методы привлечения студентов к чтению и осмыслению такого сложного текста. Роман насыщен культурно-историческими экскурсами, которые помогают пробудить к нему интерес. Надо настроить аудиторию посмотреть на Георгия Зыбина сквозь призму тиранических режимов «от Тиберия до Сталина». В романе что ни страница – то история. Необходимость вызвать заинтересованность возвращает (в самом конце романа) к картине Калмыкова: с сидящими рядом на скамейке Зыбиным, Корниловым и Нейманом. Почему именно так объединил их Домбровский? Скорее, это отражение вневременности собранности «в одну вынесенную за пределы времени точку, т. е, по сути, трансформируется в миф, в притчу о предателе (Корнилове- Е.Ж), палаче (Неймане- Е.Ж) и их жертве» [7: 180].

Поиск всевозможных путей пробуждения потребности к чтению, попытка аккумулировать духовные и нравственные ценности далёкого прошлого и настоящего времени дают результат: от сегодняшнего, быстро меняющегося мира, когда стираются границы и возникают новые идеи, студенты с удовольствием включаются в спор, в котором «слышны» голоса прошлого (Сенеки и Светония, Овидия и Тацита, Сафо и Горация, Плиния Младшего и Эсхила), с постепенным приближением к нашему времени (Шекспира и Пушкина, Аввакума и Достоевского, Гоголя и Мандельштама, Державина и Маяковского, Толстого и Сталина). Внимательный спорщик обретает силу, силу духовную, поисковый потенциал в определенной мере расширяется, что вызывает немало серьёзных размышлений и примеров из политической жизни наших дней: криминальные портреты Бориса Абрамовича Березовского, тайна многочисленных убийств в наши дни (Сергей Юшенков, Александр Литвиненко и др.)

На каких из многочисленных методов уместно остановиться при работе над романом? Студент вуза уже не школьник. Интерес не сразу рождается – часто требуется колоссальное напряжение сил преподавателя. Надо иметь в виду, что собой представляет студенческий мир; поскольку молодежь – особый социум, члены которого обладают чувством собственного достоинства.

Изучение литературы необходимо строить таким образом, чтобы укрепить в осознании молодежью тех этапов жизни, когда некоторые становятся палачами, хамами (Хрипушин, Нейман, Штерн, Долидзе), а другие – предателями (Корнилов, Куторга). Как же сделать так, чтобы наши студенты не теряли связи с истиной, чтобы узнавали в любом литературном произведении тему и идею, разгадывали подтекст, осмысливали категории тирании, закона и свободы и могли понять, какая нить связывает, например,

«Факультет ненужных вещей» с другими великим романами – с «Доктором Живаго» Б.Пастернака и «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова.

И. Золотусский называет данное произведение «повестью иносказаний», «философской повестью», действие в которой осложнено отвлечениями, прямыми отступлениями в древность. «Повесть похожа на пьесу, где древность – сначала занавес, увертюра, а потом воздух и цвет спектакля» [4: 179]

Ю. Домбровский ищет тайну поступков человека. Исследователи романа отмечают, что герои романа свободны в своих поступках: «Главное отличие Зыбина от Корнилова – это отличие человека творящего от человека витального, наслаждающегося жизнью, как она есть, хотя и умного, и образованного, и интеллигентного, и понимающего, какие дела творятся вокруг» [7: 179].

Несмотря на то, что в романе немало страшного, мрачного, тяжелого, но общее впечатление не складывается гнетущим, остается ощущение могущества воли и разума человека, способного все вынести и все преодолеть.

Своеобразие Домбровского-писателя в том, что он создает особый тип философского романа, специфика которого «определяется сочетанием исследуемого и художественного начал, несложной фабулой с социально острым и напряженным конфликтом, «дополненной» почти детективной историей» [8].

Чтобы глубоко проникнуть в тему, требуется постоянная работа с источником, иначе создается иллюзия без деятельности. Педагог чувствует себя уверенным, если необходимые слагаемые успеха налицо: студент прочитал изучаемое произведение, он умеет слушать, проникать в читаемое – значит, развитие и творческий процесс совершается. Но, увы! 90 % (а иногда и больше) не читают! Не знакомы с «живым» текстом. Неизвестно, на каком этапе жизненного пути наступает рассудительная зрелость. Но наступление технического века совершается!..

Вернёмся к Домбровскому, к сценам допросов Зыбина Тamarой Долидзе, к историческому смыслу ответа Зыбина. «Вы ведь тоже кончали юридический? Да? По истории права. Так вот, ваш факультет был в то время факультетом ненужных вещей – наукой о формальностях, бумажках и процедурах. А нас учили устанавливать истину».

Многогранный талант Домбровского-мыслителя не свободен от иронии. Здравый смысл берёт верх: ответ Зыбина дан не случайно почти через три сотни страниц. Приведём его: «Вот вы, например, безусловно, не с улицы сюда пришли, а кончили какой-то особый юридический институт. Конечно, самый лучший в нашей стране. Ведь у нас все самое лучшее. И, очевидно, там преподавали самые лучшие учителя, профессора, доктора наук, это значит, что вам четыре или пять лет вдалбливалась наука о праве и о правде, наука о путях познания истины. А ведь она очень древняя, эта наука. Ее вырабатывали, проверяли, шлифовали в течение тысячелетий. И вот, все познав, поняв и уразумев, вы приходите сюда, садитесь на это кресло и кричите: «Если не подпишешь сейчас же на себя то-то и то-то, то я из тебя лягушку сделаю!». Это еще вы. А ваш мощный предшественник – тот сразу ... кулаком по столу».

Зыбин проявляет такое бесхитростное безрассудство, такую смелость, находясь в зверином логове! Но это зыбинский императив, его надо понимать. Этот голос студенты слышат, искренний, высоконравственный, пассионарный. Высказался, излил душу, получил какую-то душевную разрядку в этом безумном вихре ГУЛАГа, где унижают, пытаются, расстреливают, часто ни за что. Здесь многих заставляют «признаться» в том, чего не совершали, о чём даже не слышали. Но страшный ГУЛАГ все-таки не сломал Зыбина. Читатели видят в нём богато одарённого бесстрашием служителя истины.

Студенты обращают внимание на уникальный способ мировоззренческого письма Домбровского, что требует систематического обращения к тексту, к цитированию. Как же можно отказываться от бумажного варианта текста, где явственно ощущается творческая сила писателя, где вырабатывается вкус к художественному слову.

Интонация действующих лиц «Факультета ненужных вещей» усваивается студентами не сразу и не вдруг – надо вчитываться в текст, возможно, и возвращаться к нему. Говорят, студенты должны много самостоятельно работать. Читающий студент многократно слышит голос Зыбина и оценивает его сопротивление, когда автор пишет: «Просто когда Хрипушин с руганью бросался на него, как бы сами собой включались ответные силы: верно, это вставал на дыбы и рычал древний пещерный медведь – инстинкт. Этот зверь понимал, что нельзя, чтобы тут его били. Раз ударят, и ещё ударят, и тысячу раз ударят, и совсем забьют. Потому что сейчас это не удар даже, а вопрос: «А скажи, нельзя с тобой вот так?» – и ревел в ответ: «Попробуй!».

Всеякие долидзе, нейманы, хрипушины и Зыбин – разные миры, внутренне несоединимые взгляды; и никакой дозиметр не поможет, требуется мастерство читателя, послевкусие от чтения, глубинного чтения настоящего классического произведения.

Слова М. Горького с первых школьных дней как бы впечатаны в детское сознание: «Любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку» [1: 88].

В книге Добро и Зло – вечные и самые важные темы, именно из книг мы узнаём мир Добра и мир Зла. Именно книга помогает определить истинные ценности – честь, достоинство, доброта, порядочность, справедливость. Только «внутренняя» работа над текстом стимулирует студентов – появляется убеждённость в необходимости читать, вчитываться. И это будет качественное чтение.

От одного произведения к другому вырабатывается духовная преемственность, приобретает опыт интерпретации текста, выявляется суть человеческих деяний. Сам читатель «обустраивается» на художественном поле, находит простор для размышлений, для формирования эстетических позиций по отношению к ситуациям сегодняшнего дня. При этом педагог не забывает, что осознанное восприятие возможно только при тщательном анализе словесной ткани текста, сопоставлении его с жизненными фактами, ибо человеческой психике присуща необходимость удовлетворения внутреннего потенциала, своего силового поля. На это направлено художественное чтение.

В человеческой истории немало опасных поворотов в виде циклической повторяемости тирании. «Мысль о циклической повторяемости исторически бесплодных периодов тирании звучала бы абстрактно, если бы Домбровский опять-таки не воплотил её в современно уникальном художественном образе сталинского террора, который под его пером приобрел откровенно сюрреальные черты при почти документальной точности изображения» [6: 211].

В романе используется фактический материал о количестве заключённых в те годы, шифровка спецпрокурорам («в пытки не верить, жалобы на них не принимать»), массовые расстрелы, для чего отдельно употреблена жестокая насмешка – антитеза: «В эти самые годы особенно пышно расцветали парки культуры, особенно часто запускались фейерверки, особенно много строилось каруселей, аттракционов и танцплощадок. И никогда в стране столько не танцевали и не пели, как в те годы».

Нынешние выпускники школ (процентов 80-90) умеют читать, но неспособны логически мыслить, что вырабатывается в процессе творческой практики.

Если говорить о «Факультете ненужных вещей», можно провести в нем «естественный отбор» совестливых «специалистов» режима, наделенных беспредельной властью, можно выделить их «высшую форму познания»: «Здесь люди быстро пропадали. Был - и нет. И никто не вспомнит. И было в этом что-то совершенно мистическое, никогда не постижимое до конца, не отвратимое, как рок». Просто назовём эти имена: Нейман-«мясник с лицом младенца», с «выражением хорошо устоявшегося ужаса»; Гуляев – НКВД-шный начальник, лицо «совершенно пустое и

чёрное»; Роман Штерн – писатель-циник, выполняющий указания НКВД, «ласковая смерть»; Тамара Долидзе – романтик «борьбы со шпионами», не состоявшаяся актриса (оставила ГИТИС), жаждущая следственной работы, принявшая нормой ужас, который здесь увидела; Хрипушин – тупой палач, в ком ничего человеческого не осталось; Корнилов – не ушедший далеко от перечисленных, торговавшийся с системой раб системы.

Чем был вдохновлен автор «Факультета ненужных вещей», проведший молодую часть жизни в ГУЛАГе, где со всех сторон тянуло стужей, звуки, краски были печальными, где постоянное ощущение ненужности?

Студентам следует напоминать, что читать надо медленно, не торопясь, заноса в читательский дневник то, что создаст душе «интеллектуальную атмосферу». Поиск истины в изображенном часто заключается во внимании к деталям, кажущимся незначительными, но читатель будет вознаграждён, они внесут определенные нюансы в интерпретацию текста. Ведь внимание не выходит за пределы читательского понимания. Поиск истины необходим. Через такое чтение опредмечивается внутренняя дискуссия, обосновывается, «вызревается» мысль.

Георгий Николаевич Зыбин – идейный борец со злом, фактически современный мыслитель, для него сущность противной стороны становится всё яснее, всё отчётливей. Данный мудрым Каландарашвили совет, совет ценный, вероятно, помог: «твёрдо помнить три тюремных правила: ничего не бойся, ничему не верь, ничего не проси. Если вы будете им следовать, то всё образуется».

Получают ли нынешние студенты в школьные годы необходимый для восприятия таких произведений материал? Знакомы ли были они с такими именами, как М.Горький, В. Маяковский, А.Н. Толстой, А. Гайдар, С. Маршак, К. Чуковский, Б.Житков, Б.Бианки, Л. Кассиль, С. Михалков, А. Барто, Н. Носов?..

Развивают ли художественный вкус наших студентов сказки француза Шарля Перро («Спящая красавица», «Красная шапочка», «Синяя борода», «Кот в сапогах», «Феи», «Золушка»); «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, английского просветителя, активного участника в политической жизни страны; «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, величайшего сатирика Англии; «Детские и семейные сказки» братьев Гримм (Якоб и Вильгельм), крупнейших немецких филологов своего времени («Семь воронов», «Снегурочка», «Братец и сестрица», «Волк и семеро козлят», «Кошка и мышка», «Волк и лиса», «Бременские музыканты», «Умная Эльза»); сказки Андерсена, великого датского писателя («Стойкий оловянный солдатик», «Райский сад», «Аисты», «Свинья - копилка» и многие другие)?

Можно напомнить и другие имена: Виктор Гюго, великий французский поэт, драматург, романист, публицист («Собор Парижской богородицы», «Труженики моря» и др.); Бичер-Стоу, американская писательница (роман «Хижина дяди Тома»); повести («Приключения Тома Сойера», «Принц и нищий», «Приключения Гекльберри Финна» и др.) американца Марка Твена (псевдоним Сэмюэля Ленгхорна Клеменса); романы французского писателя Жюль Верна («Таинственный остров», «Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан», «Вокруг Луны») и др.

Уместно вспомнить и представителей XX века: польский педагог Януш Корчак («Как любить детей?» и др.); французский писатель, лётчик Антуан де Сент-Экзюпери («Маленький принц»); шведская писательница Астрид Линдгрен («Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Мои, мой Мио!»); стихи и сказки Джанни Родари («Книга городов», «Поезд стихов», «Чем пахнут ремёсла»).

Некоторые могут сказать, зачем им этот список. Может быть, таковым лучше вспомнить, что из перечисленной детской литературы они ничего не помнят, не читали.

Вспоминаются строки из поэмы «Фуку!» Евгения Евтушенко: «Должны мы бороться за детские души,/ должны, должны... /Но что, если под поучительной чужью/

в нас нету души? Учитель – он доктор, а не поучитель, и школа – роддом. / Сначала вы право учить получите –/ учите потом. Должны мы бороться за детские души, но как?/ Отвратно игрушечное ружье в ребячьих руках./ Должны мы бороться за детские души/ прививкой стыда, Чтоб не уродились ни фюрер, ни дуче/ из них никогда. Но прежде чем лезть с поучительством грозным/ и рваться в бои за детские души –/ пора бы нам, взрослым, Очистить свои...» [3: 116-117].

К «Факультету ненужных вещей» есть три приложения:

1. Из записок Зыбина.
2. Суд над Христом.
3. Докладная записка.

Для осмысления плотности мысли истинной человеческой личности Юрия Домбровского данные Приложения необходимы.

Автор романа – не только великий страдалец, а и мыслитель, знаток истории древнего мира, в нём дышат события всех эпох. Честность и объективность – его исходная точка; он не был в плену ни идеологических, ни мировоззренческих концепций. Интонации его повествования не банальны, они притягивают читателей магией факта, нравственным смыслом, совестью, силой.

В заветные тетради студенты могут выписать кардиограмму совести Зыбина (Домбровского) – в ней слышна абсолютная воля к свободе. «И мудрые марсиане, наблюдающие за нами в свои сверхмощные устройства, удивлялись и никак не могли понять: откуда же среди серой, одноцветной и однородной человеческой плазмы вдруг вспыхнуло такое яркое, ни на что не похожее чудо. И только самые наученные из них знали, что называется это чудо фантазией. И особенно ярко распускается оно тогда, когда Земля на своем планетном пути заходит в черные затуманенные области Рака или Скорпиона и жить в туче этих ядовитых радиаций становится совсем уж невыносимо [2: 620].

Из Приложений к роману студенты познают не только много интересного, но и обретают нравственную силу, наполненную острым эмоциональным переживанием, призывающим к осознанному диалогу с прошлым и настоящим.

Библиографический список

1. Горький, А.М. Как я учился. «М. Горький о детской литературе» [Текст] / А.М. Горький. – М., «Детгиз», 1958.
2. Домбровский, Ю.О. Факультет ненужных вещей [Текст] / Ю.О. Домбровский. – М.: Советский писатель, 1989. – 720 с.
3. Евтушенко, Е.А. Граждане, послушайте меня... Стихотворения и поэмы [Текст] / Е.А. Евтушенко. – М.: Художественная литература, 1989.
4. Золотусский, И. Говорящая древность [Текст] // Сибирские огни, 1965, №10.
5. Ильин, В.А. О грядущей России: Избранные статьи [Текст] / В.А. Ильин. – М., 1993.
6. Лейдерман, Н.Л., Липовецкий, М.Н. Русская литература XX века (1950-1990 годы, т. 2) [Текст] / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М.: «Академия», 2008.
7. Пискунов, В., Пискунова, С. Эстетика свободы [Текст] // Звезда, №1, 1992.
8. Смирнова, А.И. Диалогия Ю.О. Домбровского «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей»: история создания и поэтика [Текст] // Вестник Волгоградского государственного университета, №4, 2005. – С. 105-108.